

Творчество В. С. Высоцкого и народная смеховая культура Польши*

Николай Паньков

Сразу же сделаю необходимую оговорку: сопоставление, обозначенное в названии доклада, имеет гипотетический, экспериментальный, как бы «лабораторный» характер. Сознательно абстрагируясь от вопросов о причинах и истоках отмечаемых схождений и параллелей (т. е. от строго историко-литературного или сравнительно-генетического аспектов), я ограничил свою задачу только структурно-типологическим исследованием интересующих меня явлений.

Цели, которыми я при этом руководствовался, в общих чертах таковы. Во-первых, воспользовавшись приемом сопоставления, я пытался уловить некоторые существенные «параметры» художественного мира Высоцкого, труднее поддающиеся раскрытию в иных ракурсах, при иных подходах. Во-вторых, я стремился с помощью данного, по видимости неожиданного, парадоксального, но по сути достаточно логичного сопоставления проверить неоднократно высказывавшийся в последнее время тезис о том, что Высоцкий возродил традицию русского скоморошества, угасшую еще несколько столетий назад¹. Я совершенно согласен с А. А. Белкиным, который в своей книге «Русские скоморохи» писал: «Скоморохов не обязательно изучать у каждого народа в отдельности, так как процессы, их породившие, были у разных народов в целом схожими»². Поэтому-то в настоящем докладе и предпринято сравнение отдельных особенностей поэтики Высоцкого и польских совизжалов, плебейского течения, типологически родственного русским скоморохам. И наконец, третья цель, которую я ставил перед собой, — это попытка наметить какие-то конкретные пути для будущего предметного и основательного изучения проблемы «Высоцкий и народная смеховая культура» (в том числе и в историко-литературном или сравнительно-генетическом аспектах). В свое время А. Н. Веселовский, и размышляя о позитивном значении книги Кирпичникова «Св. Георгий и Егорий Храбрый. Исследование литературной истории христианской легенды» (Спб., 1879), заметил: «Важно не только расширение круга сравнений и достигаемая таким путем большая прочность выводов, открытие новых точек зрения (...), но и возможность восстановить при помощи славянских и древнерусских

*Первая публикация: Творчество В. С. Высоцкого и народная смеховая культура Польши // Сопоставительное литературоведение: подходы, критерии, опыт. Витебск: Витебский пединститут, 1990. С. 105–110.

¹Флярковская О. О песенной поэзии В. Высоцкого // Театральная жизнь. 1987. № 10. С. 26–27; Крымова Н. Послесловие к «Избранному» В. С. Высоцкого. М., 1988. С. 492–493.

²Белкин А. А. Русские скоморохи. М., 1975. С. 50.

текстов такие литературные источники, которых прототипы ныне утрачены или не найдены»³. Эти слова, полагаю, вполне относимы и к ситуации с творчеством Высоцкого, точнее, с его рассмотрением в филологии. Едва ли кто-либо рискнет напрочь исключить вероятность того, что переключки, о которых пойдет речь, вовсе не так случайны, как могут показаться на первый взгляд. Возможно, мы просто пока еще не знаем о существовании каких-то источников, опосредствующих звеньев и т. п. По крайней мере для меня ясно одно: поскольку польская литература эпохи барокко была ведущей в славянском мире и оказала значительное воздействие на восточнославянские литературы конца XVI–XVII вв.⁴, в дальнейших исследованиях о художественных корнях поэзии Высоцкого было бы отнюдь не лишним учитывать такую расстановку акцентов, привлекая польский материал хотя бы в качестве отдаленного фона.

Сопоставление будет осуществляться на трех уровнях.

I. Общий план

Прежде чем переходить к деталям, давайте убедимся в том, что предпринимаемое сопоставление имеет под собой какую-то почву. Соотнесем общий колорит, основные контуры рассматриваемых литературных явлений.

Известно, что М. А. Булгаков подшучивал над своими знакомыми, читая им журнальную статью И. В. Миримского о Гофмане, но вместо фамилии немецкого романтика произносил всякий раз свою. Родственность творчества двух писателей была настолько ощутима, что розыгрыш всегда удавался и статью воспринимали как написанную о произведениях Булгакова⁵. Попробуем проделать нечто подобное со статьей А. В. Липатова «Литературный облик польского барокко и проблемы изучения древнерусской литературы», в которой немалое место занимает анализ совизжальского течения. Цитируя рассуждения Липатова о совизжалах, я буду в качестве примеров, иллюстраций проводить в скобках названия произведений Высоцкого. И, как мне кажется, весь последующий длинный период прозвучит в таком виде довольно естественно: «Проникновенный лиризм любовной лирики («Лирическая») выступает рядом с характерным для эпохи эротическим натурализмом («Песня о Нинке»), интеллектуальная рефлексия («О поэтах и кликушах», «Мой Гамлет») сочетается с жанровыми, нередко скабрёзными зарисовками из жизни улицы и корчмы («Татуировка», «Я однажды гулял по столице...»), возвышенные гражданские, гуманно-демократические мотивы (баллады для фильма «Стрелы Робин Гуда») перемежаются с развеселыми приключениями отчаянного сорвиголовы, безудержного пьяницы, ловкого мошенника и страстного любителя женского пола («Ой,

³Веселовский А. Н. Разыскания в области русских духовных стихов. Вып. 2. СПб., 1880. С. 1.

⁴Липатов А. В. Литературный облик польского барокко и проблемы изучения древнерусской литературы // Славянское барокко. Историко-культурные проблемы эпохи. М., 1979. С. 89–90.

⁵Галинская И. Л. Загадки известных книг. М., 1986. С. 90.

где был я вчера, не найду хоть убей...»)⁶. Далее исследователь называет важнейшие приметы стиля совизжаловских произведений (доминанта разговорной лексики, пристрастие к каламбурам, шуточным искажениям речи, забавной и двусмысленной игре слов), и это тоже звучит как характеристика особенностей поэтической манеры Высоцкого⁷.

II. План жанровых традиций

Итоги общего соотнесения поэзии Высоцкого с искусством совизжалов вполне поддаются обстоятельной конкретизации, скажем, на уровне жанрового репертуара. Нравоописательные фацеции, басни, пародии, анекдоты, притчи, духовные стихи — изучение этих и некоторых других жанровых традиций, думается, многое могло бы объяснить в творчестве советского барда.

Но меня сейчас интересует другой жанр плебейской литературы. Начиная с середины XVI в. в Польше приобрели широкую популярность так называемые «новины» («новости»), выполняющие функции периодической печати и сообщающие о разного рода сенсационных событиях, катастрофах и т. д. В XVII в. совизжалы стали создавать пародийные новины, которые отличались от первоначальных и подлинных откровенным неправдоподобием излагаемого. Эти, травестийные, новины высмеивали легкое верие обывателей, ибо «совизжаловские литераторы оставляли далеко позади границы вероятности, вынуждая тем самым читателя обрести реальную почву под ногами, обратиться к голосу своего трезвого рассудка»⁸. Например, в одной из новин рассказывалось о том, что около Витебска живет ткач, производящий полотно, которое абсолютно не нуждается в стирке на протяжении многих лет, в другой — о сооружении складной ветряной мельницы из воловьих шкур, третья повествовала о некоем морском человеке с двумя бараньими рогами, двупалыми руками и крыльями⁹ и т. п.

Нетрудно заметить, что многие песни Высоцкого строятся по этому же принципу, развенчивая либо наиболее ходовые мифы и иллюзии (скажем, «Письмо ведущему передачи „Очевидное — невероятное“, в котором автор иронизирует над толками о тайнах Бермудского треугольника), либо вообще склонность людей доверять досужим домыслам болтунов, а также ухищрениям официальной пропаганды («Слухи», «Перед поездкой в загранкомандировку»). Нанизываясь одна на другую, новины образуют гротескный, деформированный, очень странный мир с искаженными размерами, пропорциями, отношениями явлений. В этом выражались не только элементы сатиры, социально-критические тенденции мировоззрения совизжаловских писателей, но и их стремление к творческой свободе, к буйной игре воображения, к смелому обнажению смехового приема. Высоцкий тоже во мно-

⁶Липатов А. В. Указ. соч. С. 50–51.

⁷Там же. С. 51.

⁸Мочалова В. В. Гротескно-фантастический жанр новин польских совизжалов. Истоки, традиции, значение // Славянское барокко... С. 237.

⁹Polska satyra mieszczańska. Nowiny sowiżrzalskie. Kraków. 1950. S. 289, 296, 315, etc.

гих своих песнях рисует явно абсурдную картину нашего бытия, нагнетает нелепицы и неправдоподобия, чтобы продемонстрировать присущую советской действительности перевернуть естественного порядка вещей, алогизм многих ее сторон. Причем практически всегда он, подобно совизжалам, предается «радости сочинительства» (если прибегнуть к словам И.-В. Гете), подхлестывает свою фантазию, проявляет незаурядную изобретательность в придумывании комических поворотов сюжета или юмористической обрисовке персонажей. Сошлюсь в качестве примера на уже упоминавшуюся песню «Перед поездкой в заграникомандировку», герой которой под воздействием тенденциозного инструктажа боится провокаций и вообще опасностей житья-бытья за рубежом:

И все снились мне венгерки
С бородами и с ружьем.

(ср., кстати, сообщение одной из новин о девке-великанше в 60 локтей высотой, в 6 локтей шириной, обладающей двумя языками и одной ногой)¹⁰.

III. План типовых сюжетных мотивов

Помимо близости основной смысловой установки многих песен Высоцкого с новинами совизжалов можно отметить и сходство некоторых типовых сюжетных ходов, мотивов и тем, а также формальных приемов.

М. М. Бахтин в своей работе о Рабле отмечал, что «одна из очень важных групп источников гротескно-телесных образов — цикл легенд и литературных памятников, связанных с так называемыми «индийскими чудесами»¹¹. В совизжальских новинах не остались без внимания многочисленные серьезные, претендующие на достоверность «рассказы о сокровищах, о чудесной флоре и фауне, о необычайном телосложении обитателей Индии»¹²: новины пародировали их, преподнося фантастические сведения как явные небылицы, придавая им ярко выраженный иронический оттенок¹³.

Между прочим, Высоцкий тоже обращается к теме «индийских чудес», описывая сверхъестественные свойства жителей далекой страны («Йоги») или необычность их верований («Баллада о переселении душ»). Правда, он — в отличие от авторов новин — склонен в данном случае к умеренности «гротескного анатомического фантазирования»¹⁴, к мягкой улыбке, а не к концентрации абсурда. Фантастические мотивы в названных песнях редуцируются. Например, сверхъестественные события и явления могут локализоваться в прошлом либо как бы «раздробляться» между прошлым и настоящим (лишаясь при этом своей сверхъестественности):

¹⁰Ibid. S. 305.

¹¹Бахтин М. М. Творчество Ф. Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 381.

¹²Там же.

¹³См.: Polska satyra mieszczańska... S. 301. S. 317. См. также: Мочалов В. В. Указ. соч. С. 237–240.

¹⁴Бахтин М. М. Указ. соч. С. 382.

- (1) Говорят, что РАНЬШЕ йог мог,
 Ни черта не брамши в рот, — год.
 А теперь огни рекорд бьют —
 Все едят и целый год пьют.
- (2) Быть может, тот облезлый кот был РАНЬШЕ негодяем,
 А этот милый человек был РАНЬШЕ добрым псом.

(ср., если позволительно так выразиться, симультанный вариант того же мотива в древнерусском переводном «Сказании об Индийском царстве»: «... есть у меня земля, где у людей половина тела песья, а половина чело-вечья... В иной же моей земле у людей сверху большие рты. А другие люди имеют скотьи ноги...») ¹⁵.

За неимением места только упомяну, не вдаваясь в подробности, еще один типовой мотив, параллели которому встречаются не только в новинах, но и в других жанрах польского да и вообще славянского фольклора, — это мотив поездки в город (варианты: в столицу, за границу). Иногда при разработке этого мотива Высоцкий, так же как и авторы новин, использует форму письма, рассказывающего об увиденном тем или иным персонажем («Письмо на выставку», «Ответ на письмо» и т. д.), иногда строит песню как монолог («Поездка в город», «Перед выездом в загранку»). Сопоставительное исследование данного сюжета мне представляется весьма интересным и многообещающим, но это требует отдельного и специального разговора...

¹⁵Изборник. Повести Древней Руси. М., 1986. С. 183.